

К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОНЕТИКИ СТАРОМОСКОВСКОГО ГОВОРА

В последние годы русисты старшего поколения дали несколько основательных работ по истории русского языка, свидетельствующих и о высокой творческой потенции лично авторов, и об исследовательских возможностях традиционных научных школ. К числу таких работ относится и книга С.И. Коткова¹, ставшего одним из основоположников исторического изучения южновеликорусского наречия в его целостном виде. Чтобы полнее оценить труд С.И. Коткова, необходимо уяснить современное состояние в изучении средневековой московской речи, с одной стороны, и определить место, какое занимает эта книга в исследовательской практике самого автора, с другой. И то, и другое будет понятнее, если определенно очертить особенности творческого метода, которым автор пользуется в своих работах.

Теме, связанной с изучением московской речи, исключительно повезло. Мы имеем множество работ (в том числе классических и первостепенного значения современных), в которых изучены памятники Москвы и Подмосковья, начиная с XIV в. — времени, от которого эти памятники дошли. Такой интерес не случаен, поскольку московская речь городского населения по традиции считается субстратом современного русского литературного языка, тем койне, на основе которого в XVII в., с формированием русской нации, новый литературный язык и образовался. С.И. Котков подробно обсуждает все такие работы; полемические разделы книги очень обстоятельны, читаются с интересом и в большинстве случаев заставляют принимать позицию автора.

В старых спорах о характере московского койне, о мере воздействия южновеликорусской или северновеликорусской диалектной струи на его формирование, о постепенном распространении его к северу и к югу, о процессах, связанных с ранними этапами возникновения национального литературного языка, С.И. Котков занимает вполне определенную позицию. Не отрицая северновеликорусского влияния, он полагает, что московская речь впитала многие особенности южновеликорусского наречия. К такому выводу приводит С.И. Коткова многолетнее и всестороннее изучение южновеликорусских говоров в их историческом движении. Автор, увлеченный своим материалом и ясно видящий многочисленные линии, связывающие южновеликорусскую диалектную массу с московской речью, безусловно прав в своих выводах, особенно относительно тех фрагментов системы, которые в книге обсуждены. А обсуждены здесь некоторые особенности плана выражения, и прежде всего особенности фонетические. Однако и морфологические особенности рукописей рассмотрены только с точки зрения формы; автор не касается категориально-семантических раз-

¹ Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

личий в средневековых говорах, которые, действительно, можно изучить только на широком материале многих памятников разных диалектных зон и разного времени. Даже касаясь известных грамматических категорий (рода, одушевленности, времени и вида), С.И. Котков останавливается только на форме их воплощения и сам (с. 241) справедливо называет их "фонетико-морфологическими особенностями устной разновидности" языка. Тут же заметим и другое основание для отстранения от морфологических явлений — в целом в исследованных текстах они показывают большую архаичность именно в передаче (дат. п. мн. числа *по дворомь*), либо общерусские формы (род. и местн. п. ед. числа типа *грому* — *о грому*, также род. п. мн. числа типа *громовь* только для имен муж. рода, и др.). Морфологические явления оказываются наименее показательными в доказательстве южновеликорусской основы московской речи. Таковы сюжетные границы книги, достаточно обширные, всегда репрезентативные в исследованных памятниках (хотя бы и в негативном смысле), сопоставимые с результатами предшествующего изучения вопроса.

Что же касается источников — материальных пределов исследования, то С.И. Котков прав, утверждая, что, "обращаясь к истории говора Москвы, исследователи по-прежнему ограничивались традиционным кругом источников" (с. 9), а работа над ними, приводя к возникновению новых, всегда сохраняла и старые гипотезы и заключения, накапливала их, не давая качественного поворота в разработке темы. Чтобы преодолеть эту трудность, С.И. Котков и вводит в научный оборот совершенно новый круг источников — московские деловые и бытовые тексты (преимущественно второй половины XVII в.), извлеченные им из московских хранилищ. Этой стороне дела уделяется первостепенное внимание, вплоть до того, что к книге приложено издание еще и нового круга памятников, не обработанных в исследовательской части книги и предназначенных читателю в качестве "пробного камня" для самостоятельной проверки результатов исследования.

В основе исследования лежит филологическая разработка древнего текста. Автор намеренно отталкивается от свойственного Московской филологической школе (еще с Ф.Ф. Фортунатова) сравнения только современных языков или диалектов с целью реконструкции; его привлекает сравнительно-исторический метод, т.е. прежде всего доверие к тексту и стремление за его сложностью и условностью разглядеть живые процессы языка. С.И. Котков настроен против исследовательского нигилизма в отношении письменного памятника; ср.: "...описка, которая помимо графического, допускает и фонетическое, и морфологическое объяснение, это, собственно говоря, уже не описка" (с. 16), а именно подобные случаи составляют большинство отклонений от традиционных написаний в тексте; в исследовании важны все типы нарушений традиции, и как раз в произношении церковных, не свойственных разговорной речи слов (которые иногда, вслед за А.А. Шахматовым, сознательно устраняют из фонетического исследования) скорее можно встретить отражение местного произно-

шения (ср. "иканье" в *дондиже* вм. *дондеже*, с. 17). Автор совершенно прав, еще раз подчеркивая высокую эвристическую силу текстов традиционного (даже конфессионального) содержания: каждое отклонение от орфографии, попавшее туда, безусловно доказывает состоявшееся в говоре писца фонетическое изменение. Так, три случая аканья в Сийском ев. 1340 г. достаточны, чтобы судить о явлении аканья в Москве того времени. Однако это не указывает на характер аканья, для его определения нужны более многочисленные данные, которые можно извлечь только из текстов, отражающих народно-разговорный язык. Но и тут возникает своя сложность: если даже мы проведем точную атрибуцию текста, привязав каждого писца к определенному времени и к известному месту, ожидать и в деловой (также и в бытовой) письменности XVII в. прямого зеркального отражения системы местного аканья не приходится (с. 60), поскольку в силу вступают и орфографические ограничители писаного текста.

Еще раньше, исследуя южновеликорусские говоры, С.И. Котков показал сложности в изучении проблемы аканья². Но там речь шла о говорах, определенно акавших — здесь же оказывается необходимым выяснить степень воздействия на московскую речь XVII в. одинаково и северно- и южновеликорусских говоров. Поэтому С.И. Котков, во-первых, выступает против известного преувеличения роли северновеликорусского начала в истории московских говоров (с. 55), а во-вторых, в своих целях сравнивает московские данные и с северными (отчасти), и с южными (очень широко) говорами. В-третьих же, стремясь к возможно полной интерпретации полученных данных, он проводит серию усложнений исследовательской процедуры. Так (на наш взгляд — вполне справедливо), автор различает реальное (на уровне говора) противопоставление "оканье — аканье" и представленную в памятниках (на уровне орфографической системы) оппозицию "аканье — отсутствие аканья". В других местах книги мы найдем и другие попытки реальную эквиолентную оппозицию расчлнить в исследовательских целях на привативные (например, в рассмотрении вопросов, связанных с обозначением "ятя", в некоторых морфологических изменениях), и это всегда оправдывается характером материала. Спорность разбиения состоит, может быть, только в том, что же именно считать маркированным членом оппозиции. Сам С.И. Котков предпочитает говорить о маркировке по аканью — отсюда его особый интерес к современным южновеликорусским говорам. Однако если принять во внимание характер аканья как фонологического процесса (синтагматическое, а не парадигматическое изменение фонем), тогда маркированным скорее следует считать оканье ("оканье — отсутствие оканья"), и исключительный интерес автора именно к южновеликорусским говорам получит дополнительное оправдание (поскольку, как известно, немаркированный член всегда дает варьирование и большое число "слабых" элементов). Установив все это (но

² Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.

иначе сформулировав), С.И. Котков тщательно исследует наличный материал, особенно в разделе, посвященном вокализму. Примеры представлены полностью, сначала в зависимости от автора и времени написания текста, затем — по фонетическим позициям, потом — в статистических выкладках, наконец, в сопоставлении с аналогичными данными других говоров. В конкретных разработках автор учитывает все возможности анализа и всегда исходит из орфографической системы памятника. Правда, в частности встречаются неясные толкования, но конечный вывод обычно убеждает.

Так, остаются неясными "два случая бесспорного иканья": *не изобидит* (дважды в грамоте 198, см. с. 92) — 3 ед. наст. времени? инфинитив? Вообще все примеры иканья, приведенные дополнительно (с. 92—93), не убедительны — это либо новые заимствования (*об инжинере*), либо словообразовательные сближения (*круживо*), либо редкие замены "ятя" (*стрилецких*) и встречены в текстах, московское происхождение которых не доказано; сам автор признается, что "фонетическое значение этих фактов... полностью не исключается" (с. 94), но только не исключается. Однако в конце XVII в. надежных примеров иканья уже довольно много, имеются случаи обратной замены *и* на *е*, и все такие изменения позиционно связаны с экспираторно самым слабым слогом — заударным (с. 97). Поэтому заключительный вывод С.И. Коткова о развитии иканья в московском говоре конца XVII в. представляется более вероятным, чем прежнее мнение об отсутствии иканья до XIX в. Но С.И. Котков (вслед за В.Н. Сидоровым) идет дальше: иканье (или, по другим источникам, яканье) в заударном слоге при еканье в слоге предударном указывает на редукцию гласных в этой позиции; письменный текст отражает не еканье и не иканье в нашем понимании — буквой *е* «как наиболее "нейтральной" при передаче безударных гласных в определенных положениях» (с. 101) передается редуцированный гласный в положении после мягкого согласного. Добавим, что подобные написания не отражают и иканья в известном нам теперь смысле, поскольку иканье (совпадение гласных неверхнего подъема в данной позиции в *и*) — предел развития системы в сторону неразличения безударных гласных; предполагать его наличие в самом начале процесса вряд ли правомерно. Тем не менее и в данном отношении выявляются отличия московской речи от современной ей южновеликорусской.

Возражая сторонникам лингво-географического изучения истории языка, С.И. Котков пишет: "Историческая грамматика русского языка — не более абстрактна и не менее конкретна, нежели историческая диалектология. Сведение первой ко второй неизбежно связано с отрицанием единства русского языка в его народно-разговорном варианте в исследуемую эпоху" (с. 49—50). Думается, книга отвечает на этот спор вполне положительным результатом, и в пользу автора.

Желая дополнить конечные результаты рассмотренной книги, мы хотели бы обсудить две особенности ее построения и выбора иллюстраций. Эти особенности характерны для многих исследователей истории языка, что заставляет обратить на них особое внимание.

По-видимому, интерес автора к тем особенностям текстов, которые

являются общими для московских и южновеликорусских памятников, незаметно увел в сторону от тех фактов, которые более характерны как раз не для южновеликорусских источников XVI—XVII вв. Книга, имея определенную теоретическую заданность, тем не менее не дает систематического описания источников определенного цикла. Покажем это на следующем примере.

Многие источники того времени дают смешение глухих согласных с соответствующими звонкими в сильной позиции: *бирога* (с. 352) вм. *пирога*, *по отну сторону* (с. 319) вм. *по одну*, и т.д. (примеры взяты из текстов, приложенных к книге С.И. Коткова). Автор частично касается таких примеров, но там, где говорит об изменении основного качества согласных: *пиявочных* вм. *пиявочных*, или *Проковьева* вм. *Прокофьева* (с. 170—171), или *шахов* вм. *шагов* (с. 174—175). Между тем все примеры смешения глухих со звонкими, независимо от их качества, известные теперь (в том числе и благодаря изданиям С.И. Коткова и его сотрудников), единогласно указывают на их бытование в полосе средневеликорусских говоров XVII в., и московские говоры в этом отношении не оказываются исключением. Есть основания предполагать, что этот процесс связан со становлением корреляции согласных по мягкости—твердости, на это указывает и характер замен: обычно замена идет по линии $t' > d'$, $d > t$, т.е. "позиционная мягкость соединяется со звонкостью, позиционная твердость — с глухостью согласного". Если это верно, следовало бы обратить внимание и на факты позиционного смягчения согласных, а как раз фактов такого рода вполне достаточно в московских источниках XVII в. Например, в "Приложении" к книге встречаем написания типа *вънука*, *думнымь*, *хто*, *Климько* и др., и *сьедет*, *сьѣзду*, *двъсьте*, *въ...* *Леонтьеве*, *Деменьтя* — но никогда в положении с губным согласным (ср. *въсе*, *объежьи*, *въместо*, *поставьлены*, *покупьки*, *Павльикъ*, *стряпъчей*, *розщибьли* и др. примеры с отсутствием смягчения перед мягким согласным). Эта особенность текстов в книге не описана; но она и не характерна для южновеликорусских источников XVII в., совпадая между тем с другими текстами северо-восточного происхождения,³ хотя и не полностью: последние отражают последовательное смягчение согласных перед следующим мягким согласным. Этим сопоставлением, с одной стороны, подтверждается справедливость сказанного С.И. Котковым о лабиовелярности фонемы *в*, с другой — выявляется специфика московского говора в XVII в., в отличие от "северо-восточных" говоров того же времени.

К сожалению, консонантизм в книге разработан менее подробно, чем вокализм, хотя воздействие северных говоров на формирование средневеликорусской зоны проявилось преимущественно в консонантизме. Это вовсе не противоречит теории "фронтального" влияния южновеликорусских говоров на образование московской речи (см. с. 193), хотя бы потому, что в совмещении вокализма и консонан-

³ См.: Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968. С. 81, 83.

тизма первоначально разных систем нет никакого "наслоения" одной системы на другую, вполне возможны общерусские тенденции развития, приводящие к сходным результатам. Здесь уместно вспомнить замечание С.И. Коткова, сделанное им прежде:⁴ принцип аканья вовсе не "проще" принципа оканья, как считают вслед за Р.О. Якобсоном некоторые ученые; это другой структурный принцип реализации безударных гласных. Следовательно, добавим мы, ориентация на аканье вовсе не есть результат "упрощения" произношения в условиях междialeктного контактирования; это — развитие определенной тенденции, обратной стороной связанной с формированием корреляции согласных по мягкости—твердости. Совмещение этих процессов — самое яркое подтверждение органичности, "местности" возникновения московского аканья. Простое сопоставление московского отражения аканья с южновеликорусским (с. 89) показывает, что в южновеликорусских памятниках случаев прямого отражения аканья (*драва* вм. *дрова*) гораздо меньше, чем косвенного (*трова* вм. *трава*), а в московских — наоборот; не отрицая зависимости такого различия от правописной выучки писцов (с. 90), автор полагает, что это скорее свидетельствует "о качественном различии вариантов фонемы *о* в одних и тех же безударных положениях в московских говорах и на юге... Ее (московская. — В.К.) безударная редукция была слабее южновеликорусской" (с. 90). Поскольку сказано только о редукции *о*, мы вправе усомниться в том, что речь идет об аканье в привычном значении этого термина — последнее предполагает и изменение безударного *а*; интенсивность же редукции, постулируемая тем же выводом, предполагает количественный характер процесса и ничего не говорит о его качестве. Но существо дела, по-видимому, отмечено точно: московская речь имела собственную линию развития, определяемую общерусскими тенденциями; формирование корреляции согласных по мягкости-твердости автоматически приводило к нейтрализации гласных в безударных положениях.

С характеристикой безударных гласных связано и второе наше замечание. С.И. Котков (в отличие от многих других авторов работ по исторической грамматике русского языка) очень внимателен к акцентологической характеристике словоформы. В примерах он последовательно выделяет несколько типов, исходя из степени достоверности приписанного им ударения. Есть примеры, акцент которых установлен абсолютно надежно (как правило, это ударение — новоакутового происхождения, оно не изменяется во времени: *узда*); есть примеры относительно надежные (для их установления автор использует косвенные данные своих текстов: написание *падль* указывает акцентнику *подль* — и это, действительно, совпадает с показаниями акцентованных рукописей того времени); есть, наконец, формы с колеблющимся ударением, относительно которых следует быть особенно осторожным. Только прямые свидетельства акцентованных рукописей помогут окончательно решить вопросы, связанные с акцентными харак-

⁴ Котков С.И. Южновеликорусское наречие... С. 62.

теристиками таких форм, потому что примеров третьего типа в текстах оказывается очень много. Рассмотрим их на материалах книги.

Анализ примеров на аканье, представленных здесь, обнаруживает частотность одних и тех же слов, способных такое аканье отразить на письме: это определенно заимствованные слова, топонимы и патронимы и т.д., но почти все они (в том числе и исконно русские — *авса, адоне, каво*, от *сасед*) могут быть объединены одним собственно лингвистическим критерием. Гласный *о* подвергающийся изменению, находится в морфологически изолированной позиции; С.И. Котков в соответствии со своей ориентацией на орфографическую систему формулирует это иначе: "не проверяемых ударяемым *о* в аналогичном положении" (с. 78). В таком случае сложность заключается в толковании тех примеров, на которых пересекаются не только морфологические и орфографические, но также и морфонологические особенности языка. Ср. в толковании флексий прилагательных *-аго/-ого* некоторое преувеличение фонетического фактора; автор в написании с *-аго* видит отражение аканья, но непоследовательно; например, *седьмаго* отражает старославянскую (?) традицию, поскольку ударение предполагается на флексии, — в *земскаго*, напротив, видится отражение аканья (с. 81). На самом же деле церковнославянская акцентовка *сѣдѣмаго*, а русская *земскаго* обычны в русских акцентованных рукописях XVII в. По-видимому, все дело в том, что написания форм с *-аго*, не являясь бесспорными (подобно *о* в *кого*), тем не менее не являются и фонетическими для окающего говора, когда он ориентирован на церковнославянскую орфографическую традицию, но остаются фонетическими в акающем говоре, ориентированном на ту же традицию. Сложность процесса совмещения разных говоров для исследователя еще усиливается, поскольку он имеет дело с писанным текстом, который отражает разнонаправленные процессы изменения, исходя из одной и той же традиции. Кстати, мы не знаем психологических оснований, свойственных русскому книжнику XVII в. в определении "проверяемости" безударных гласных; многие факты показывают, что возможность такой проверки распространялась у них только на корневую морфему; проверить написание *старого* написанием *откупного* он вряд ли мог — точно так же, как не может этого сделать и большинство наших современников, специально не обученных этому. Следовательно, подобные позиции можно условно трактовать как изолированные. Аналогичные замечания можно было бы сделать относительно примеров употребления буквы *е* на месте "ятя". Как и в случае с аканьем, С.И. Котков тщательно выявляет три типа достоверности возможной акцентовки, не скрывая сомнительных случаев (типа *без вести, на Москве*, которые, действительно, дают *е* из *ѣ* в безударном слоге), но неразработанность русской исторической акцентологии подводит его и в данном случае. Так, памятники XVII в. указывают ударение *къ сѣбѣ, въдѣти, на сѣни, къ Москвѣ, въ лѣтѣхъ, на дворѣ* и др., тогда как автор во всех этих случаях считает *ѣ* подударными. Это сказывается на результатах анализа: говорится о возможности широкого изменения *ѣ>е* в московском говоре XVII в. и под ударением. На самом деле (по нашим подсчетам)

вполне надежных примеров такого типа всего около 55, и все они встречаются в узком круге корней, переходящих из грамоты в грамоту.

Акцентологический критерий оказывает существенное влияние и на ряд морфологических архаизмов, отмеченных в московских текстах. Форма вин., а не род. падежа в сочетаниях типа *про государя* и *про гость, корова* или *козель мечутся на люди* (с. 199—200) может объясняться только сохранением архаического ударения *про́ гость, на́ люди*, которое отражено, например, во всех акцентованных списках "Домостроя". То же следует сказать о формах инфинитива. С.И. Котков считает, что в XVII в. "по состоянию инфинитива московский говор обнаруживал большую общность с южновеликорусской, нежели северновеликорусскою стихией" (с. 260). Речь идет о формах *весть, несть, беречи, стеречи* вместо *вести, нести, беречь, стеречь*. На самом же деле это разные типы унификации ударения, происходившей в более позднее время (как раз в XVII в.) у подвижных и окситонированных корней и по-разному отразившейся на севере и на юге. Первые примеры, известные нам, с новым ударением *честь, трясть, съчь, стеречь, беречь* отмечаются в московских списках "Домостроя", в серпуховском "Стоглаве" 1645 г., в рукописных списках "Уложения" 1649 г. конца XVII в. Новое ударение форм *вѣсти, нѣсти* появляется несколько раньше — в томах "Лицевого летописного свода" XVI в., переписанных в Москве; в XVII в. они связаны с тем же кругом памятников, отражаясь в серпуховском списке "Стоглава", в списках "Домостроя", в шуйском "Лечебнике" XVII в., в некоторых рукописях, написанных на Мезени. Таким образом, формы, которые сопоставляются с современными южновеликорусскими, на самом деле и в южновеликорусских говорах являются вторичными, самые ранние примеры новых акцентов определенно связаны со средневеликорусской (и даже уже — с московской) зоной. Первоначально, видимо, они здесь и возникли, поскольку койне является питательной средой всякого типа выравниваний по аналогии (в данном случае — по типу баритонированных: *нѣсть* и *вѣсть* как *клясть* и *сѣсть*).

Таковы некоторые размышления по поводу важного труда С.И. Коткова. Насыщенная достоверным, тщательно обработанным материалом, проникнутая единым исследовательским замыслом, написанная с горячей заинтересованностью к делу, эта книга приближает нас к раскрытию тайны "московского феномена" решительно и целеустремленно. А самое главное — она не закрывает путей к продолжению исследований.